

ВСПОМНИТЬ ВСЁ

Леонид МЛЕЧИН

СТЕПАН БАНДЕРА И СУДЬБА УКРАИНЫ



Вспомнить всё

Леонид Млечин

Степан Бандера и судьба Украины

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Млечин Л. М.

Степан Бандера и судьба Украины / Л. М. Млечин — ИД
"АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2018 — (Вспомнить всё)

ISBN 978-5-6040606-3-6

Долго и мучительно украинский народ шел к своей самостоятельности. На этом пути было множество преград: смена правителей, войны, оккупация. Сколько невинной крови было пролито за «свободную самостийную Украину»; менялась власть, вожди, территория переходила из рук в руки, но идея независимого Украинского государства, за которую так ожесточенно сражались националисты, не угасала. Возникает вопрос: почему и сейчас на Украине, как и более полувека назад, так популярны идеи Бандеры, Шухевича? Неужели кровавые уроки прошлого ничему не учат? Может быть, причиной сегодняшних конфликтов и войн является нежелание понять и проанализировать собственные ошибки? Автор беспристрастно излагает события тех лет, опираясь на документальные материалы спецслужб, вскрывая причинно-следственные связи между прошлым и настоящим страны.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-6040606-3-6

© Млечин Л. М., 2018

© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2018

Содержание

От автора	5
Часть первая	9
«Малороссы», «хохлы»	10
Харьков против Киева	13
Мир в обмен на хлеб	16
Государственный переворот	19
Последний гетман	21
Немцы убегают	24
Василь Вышиванный	26
Европа умывает руки	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33



Леонид Млечин

Степан Бандера и судьба Украины

От автора

Каждый год 1 января на Западной Украине отмечают день рождения вождя Организации украинских националистов* Степана Андреевича Бандеры.

Приезжаешь во Львов, административный и культурный центр Западной Украины, и если внимательно присмотришься, то понимаешь, что оказался в иной историко-духовной реальности.

Львов – это улицы, названные в честь вождей Организации украинских националистов* и бойцов Украинской повстанческой армии*, сражавшихся против советских войск. Это охраняемый милицией памятник Бандере и дома с барельефами политиков, которые во время Второй мировой войны служили немецкой оккупационной администрации. Здесь они – почитаемые люди, а для нас – преступники, которые и за давностью лет не подлежат ни прощению, ни реабилитации.

Львов – это памятник евреям, которых убили немцы при деятельном участии местных националистов. Львов – это крест жертвам голодного мора и камень на том месте, где обещают воздвигнуть памятник жертвам коммунистического террора. Львов – это рынки, где торгуют попеременно советскими орденами, железными крестами вермахта, наградами Организации украинских националистов¹ и Украинской повстанческой армии*. И всё это рядом! И словно на равных.

Как же это воспринимать и как к этому относиться?

Религиозный философ Георгий Петрович Федотов писал когда-то, что русская интеллигенция несет один грех перед украинским национальным движением: она его не замечает. Беда в том, что в замкнувшейся в себе Галиции национальную идею оседлали фанатики и радикалы, такие как Степан Бандера. В этом узком провинциальном мирке развилась националистическая шизофрения, которая, как яд, разрушала умы.

Но это лишь одна глава истории. Есть множество других.

Мало кто задумывается над тем, отчего именно ненавидимый у нас Бандера и Организация украинских националистов* в тридцатые и сороковые годы предстали в роли защитников народных интересов? Что переживали тогда в западных областях, от кого просили защиты? Да много ли мы вообще знаем о соседях?

Историю Украины, печально заметил один из видных деятелей национального движения, столетие назад пытавшийся сделать ее самостоятельным государством, нужно читать с бромом. Настолько она драматическая. Или даже трагическая, потому что добиться независимости украинцам после Первой мировой войны не удалось. Соседние народы обрели самостоятельность, но не украинцы. А почему бром? Других успокаивающих препаратов тогда не знали.

¹ Здесь и далее обозначение * – Организации, запрещенные в Российской Федерации.

Революция и Гражданская война повсюду прокатились кровавым хаосом. Однако же Украине, пожалуй, досталось больше других. На ее территории люди убивали друг друга с особой жестокостью. Природу этого ожесточения и сегодня не просто объяснить.

«В Украине шли гражданские войны как внутри российского лагеря (между красноармейцами и белогвардейцами), так и внутри украинского лагеря (между гетмановцами и петлюровцами), – считает современный историк Станислав Кульчицкий (см. сборник «Украина Incognita». Киев, 2004). – Однако наиболее жестокий характер приобрели войны между украинскими и российскими войсками. К ним следует отнести русско-украинские войны 1917–1918 и 1918–1919 годов, а также войну между денikinцами и петлюровцами. Эти войны назвать гражданскими нельзя».

Украину делили и соседи, и сами украинцы, ненавидя друг друга.

Конечно, исторически обусловленная разделенность Запада и Востока сказывалась всегда. Даже при стремлении советской власти ликвидировать ее любыми средствами. В 1969 году, когда считалось, что с бандеровщиной давно покончено, начальник управления КГБ Ивано-Франковской области докладывал в центр:

«Оперативная обстановка в области характеризуется наличием среди местного населения глубоких корней националистической идеологии... Вскрыта и пресечена идейно вредная и антисоветская деятельность нескольких формирований националистического характера, которые занимались националистической обработкой советских граждан, размножали и распространяли антисоветские документы и возводили клевету на национальную политику советского государства».

Поклонники национальной идеи сосредоточились не только в западных областях, оттого в советскую эпоху происходящее на Украине воспринималось настороженно, с сомнением и опаской. Если в Киеве намеревались перевести обучение в высших учебных заведениях на украинский язык, то в Кремле видели в этом проявление национализма и сепаратизма. Меняли руководителей республики, подбирали тех, кто стоял на «позициях Богдана Хмельницкого», то есть полностью ориентировался на Москву. Новый хозяин возмущался предшественником:

– Наблюдается ревизия прошлого, восхваление старины. А издание Пушкина на украинском языке! А трансляция футбола на украинском!

Один из видных украинских прозаиков так характеризовал в дневнике руководителя республики:

«Тоже трагическая фигура. Каждый из украинских лидеров, оказавшись на вершине, должен был выбирать: будет работать он на Украину или на Москву. И, конечно, каждый выбирал последнюю. Кто проявил бы непослушание, не продержался бы у руля и трех дней. И этот понимает. К тому же у него, очевидно, не было со школы украинского воспитания...»

Из Москвы присылали в Киев руководителя госбезопасности с заданием развернуть настоящую борьбу с национализмом. Он внушал подчиненным:

– Мы работаем на Союз, мы интернационалисты, и никакой Украины в нашей работе нет. Но о какой борьбе с украинским буржуазным национализмом может идти речь, если первый заместитель председателя комитета приходил на работу в «вышиванці»!

Имелась в виду традиционная украинская рубашка с вышивкой...

Идеологическая чистка считалась в республике задачей номер один, потому что национальная идея не умирала.

Второе управление КГБ Украины – контрразведка (по традиции самое многочисленное и важное!) насчитывало всего 80 офицеров. А самым крупным оперативным подразделением стало пятое управление (борьба с идеологической диверсией) – 155 оперативных работников, вдвое больше! Ни в одной другой республике такого не было.

«Новая волна украинского свободомыслия выпала на 60-е и 70-е годы, – вспоминает бывший секретарь ЦК компартии Украины по идеологии Александр Семенович Капто. – Это

было названо диссидентством, что давало основание применять репрессивные формы подавления. Но на Украине ситуация выглядела по-иному. В основе выступлений украинских «диссидентов» звучало законное и обоснованное требование бороться за сохранение национальной культурной самобытности народа и особенно пересмотреть языковую политику».

И в семидесятые, и в начале восьмидесятых, до перестройки, по всей Украине шли аресты диссидентов, реальных и мнимых. В ходу была мрачная шутка: «Когда в Москве стригут ногти, в Киеве рубят руки». Сажали сторонников национальной идеи, мечтавших о самостоятельности. Многие из них после перестройки станут видными деятелями культуры, депутатами украинского парламента.

Не только в Днепрпетровске или Донецке, но и в Киеве или даже во Львове, если приехал туристом, то несложно увериться в том, что ты почти дома. Раз говоришь по-русски, значит, не за граница. Вывески на украинском языке кажутся забавной экзотикой... Да, нас на Украине понимают. Понимаем ли мы украинцев?

Во Львове по обыкновению зашел в большой книжный магазин. На втором этаже замер, огорченный: какая жалость, что не владею литературным украинским! Полки забиты увесистыми фолиантами украинских мыслителей, философов и социологов. Мемуарную книгу киевского политика или современную публицистику могу освоить. Это если и не суржик, то достаточно доступный язык. А научные труды, написанные на хорошем украинском, мне не под силу.

И вот вопрос: а кто в Москве все это читал – как положено, с карандашом в руках? А ведь западно-украинские интеллектуальные искания лишь часть разнообразного и многосложного духовного пространства немаленькой страны.

Принято считать, что Запад Украины – против России, а Восток – за нас. Но и в восточных областях еще в советские годы немалая часть украинской интеллигенции с горечью говорила о судьбе своего народа и вину возлагала на российскую власть.

«С какой сатанинской силой уничтожалась Украина! – писал классик современной украинской литературы Олесь Терентьевич Гончар. – По трагизму судьбы мы народ уникальный. Величайшие гении нации – Шевченко, Гоголь, Сковорода – всю жизнь были бездомными. Но сталинщина своими ужасами, государственным садизмом превзошла все. Геноцид истребил самые деятельные, самые одаренные силы народа. За какие же грехи нам выпала такая доля?»

Гончар – не диссидент. Любимец советской власти: Герой Социалистического Труда, лауреат двух сталинских, государственной и ленинской премий. И вот, оказывается, что он думал о судьбе родной Украины.

А у одного из министров недавнего правительства в Киеве воззрения прямо противоположного свойства:

«Украинское государство – во многом историческая случайность, рожденная разломом цивилизаций, противоборством сверхдержав и экономических систем, сытым отупением советской безвольной номенклатуры... Украинцы вечно получают независимость как дар судьбы, как Божий промысел. Она падает на них неожиданная, нежданная и, в общем-то, как оказывается через некоторое время, ненужная».

Какое сплетение взаимоисключающих мнений! Украина – молодое государство, этнически, религиозно и ментально неоднородное, часто с противоположными и взаимоисключающими устремлениями, но без традиции улаживания противоречий, учета разнообразных интересов и нахождения компромиссов. И потому идет от кризиса к кризису.

Несовпадение настроений Запада и Востока – малая толика сложнейшей духовной жизни Украины. Ее делит не только политическая география. Как никогда ощутимо несовпадение мировосприятия разных поколений. Десятилетия самостоятельности уже сказались на жизненном ощущении молодого поколения украинцев. Это мы думаем, что выбор прост: или с нами, с Россией, или с ними, с Европой. А Украина располагает себя в иной системе координат. Молодежь,

выросшая после распада Советского Союза, видит свое будущее в ином общественно-политическом устройстве и иных геополитических структурах, чем те, кто руководит государством.

Кто в нашей стране старается в это вникнуть?

Не просто, конечно, оценить духовное и душевное состояние целого народа. Но заметим: за почти три десятилетия существования современной Украины так и не появилось академического института, изучающего ближайшую и важнейшую для нас страну. С учетом нынешнего состояния российской Академии наук рассчитывать на это не приходится. Не знаю ни одного сколько-нибудь серьезного научного центра, посвятившего себя анализу украинских проблем.

Конечно, мы родом из одного государства. Но каждый день доказывает, что Украина другая. И разная. Особенности истории регионов Украины, разрывавшие ее конфликты, переплетение религиозных верований сформировали иной менталитет. Здесь собственные символы веры, свои мифы, страхи и фобии. Не зная их, опираясь лишь на собственные представления о соседях, можно ли точно оценить происходящее на Украине, прогнозировать повороты настроений общества, мечущегося в поисках верного решения?..

В Киеве в последние годы рассекречен огромный массив документов ведомства госбезопасности. Открывшаяся картина ошеломляет. И позволяет осознать ход событий недавнего прошлого. Особенно важно понять, как шел ускоренный процесс советизации западных областей. Нет сомнения: происходившее в республике в тридцатые, сороковые, пятидесятые годы и по сей день в немалой степени определяет настроения украинцев.

Часть первая

Галиция. Особый район

Начать эту историю придется издалека, иначе не разобраться.

«Есть ли у нас столько сил, есть ли у нас столько рук, чтобы направить их на эту тяжелую работу? – записал летом 1917 года в дневнике Владимир Кириллович Винниченко, первый руководитель Украины, пытавшейся стать самостоятельным государством. – Сердце сжимается от тревоги, печали и страха: а что, если не поднимем? Не сможем взять того, что судьба так неожиданно, фантастически бросила нам под ноги?»

«Малороссы», «хохлы» И сознательные

В те решающие послереволюционные годы нигде власть не менялась так часто, как в Киеве – Центральная Рада, большевики, гетман, опять Рада, директория, снова большевики. То немецкая армия приходит, то польская. И всякий раз смена власти сопровождалась грабежами, расстрелами, погромами.

«И продолжалось это в течение четырех лет, – писал киевлянин Михаил Афанасьевич Булгаков. – Что за это время происходило в знаменитом городе, никакому описанию не поддается. Будто уэллсовская атомистическая бомба лопнула под могилами Аскольда и Дира, и в течение 1000 дней гремело, и клочкотало, и полыхало пламенем не только в самом Киеве».

В одном ошибся Булгаков. Он полагал:

«Когда небесный гром (ведь и небесному терпению есть предел) убьет всех до единого современных писателей, и явится лет через пятьдесят новый, настоящий Лев Толстой, – будет создана изумительная книга о великих боях в Киеве».

Увы. Ни бои в Киеве эпохи Гражданской войны, ни вообще современная история Украины не нашли пока своего описателя, способного охватить все происходившее...

Окончание Первой мировой войны стало счастливым моментом в исторической судьбе многих народов Центральной и Восточной Европы. Не пережив затянувшегося военного конфликта, превратившегося в бойню, империи распадались одна за другой. Народы, считавшиеся малыми, обретали собственные государства. Почти у всех получилось. Но попытка украинцев не увенчалась успехом!

Что помешало появлению независимого государства? Соседние страны, спешившие поделить территорию Украины, которая могла бы стать крупным и заметным европейским государством? Или же самим украинцам не хватило воли и желания? А, может быть, подвели лидеры?

Отречение императора Николая II от трона пробудило большие надежды среди национально мыслящих украинцев. Открылся редчайший шанс стать самостоятельными. Они обрели свободу говорить и действовать, и спешили ею воспользоваться.

Всеукраинский национальный конгресс в 1917 году заявил:

«Мы отвергаем понятие и термин «украинский буржуазный национализм», ибо он – плод русских великодержавных шовинистов для оправдания морального террора против украинских патриотов и борьбы с украинским освободительным движением.

Политике угнетения наций противопоставляется принцип равноправия суверенных национальных государств. Борьбу за независимое Украинское государство украинский национализм осуществляет под лозунгом «Украина – это общее богатство всех ее граждан» и призывает к этой борьбе все национальные меньшинства, проживающие на Украине.

Нет народов худших или лучших. Есть только такие, которые уже достигли высокого уровня развития, и такие, которые стремятся к нему. Мы спрашиваем: чем язык Шевченко хуже языка Ленина?»

После февральской революции в Киеве появилась собственная власть – Центральная Рада, которая объединила социалистические партии, культурные и общественные организации и постепенно превратилась в парламент самостоятельной Украины. В состав Рады вошли около семисот человек. Ее председателем 8 апреля избрали профессора-историка Михаила Сергеевича Грушевского.

В июне семнадцатого Центральная Рада выпустила первый универсал (то есть акт конституционного значения) – «К украинскому народу на Украине и вне Украины сущему». Рада

декларировала национально-территориальную автономию, но «не отделяясь от всей России, не разрывая отношений с государством Российским».

Центральная Рада 15 июня образовала генеральный секретариат, то есть правительство под председательством Владимира Винниченко. Он сразу же перебрался в особняк царского генерал-губернатора.

Владимир Винниченко, выходец из бедной крестьянской семьи, учился на юридическом факультете Киевского университета и был исключен за пропаганду антимонархических идей. Попал в тюрьму. Бежал. Вступил в подпольную Революционную украинскую партию, созданную малороссийским студенчеством в феврале 1900 года на съезде в Харькове. Затем принял участие в формировании Украинской социал-демократической рабочей партии.

В России его больше знали как прозаика и драматурга. Пьесы Винниченко ставились на русской сцене. Каждый год премьера. Он писал в жанре психологической драмы. Руководитель Украины более позднего времени – Никита Сергеевич Хрущев, не самый начитанный человек, часто вспоминал короткую повесть Винниченко «Талисман» – о скромном и боязливом от природы человеке, который, исполняя свой долг, идет на верную смерть.

В Киеве спорили, какой должна быть Украина. Полностью независимой? Или остаться частью России? Центральная Рада занимала умеренную позицию – Украина образует федерацию с новой Россией. Винниченко оставался искренним сторонником единения. Полагал, что Украина не готова стать самостоятельным государством.

В Киев приехала делегация Временного правительства во главе с Александром Федоровичем Керенским. Договорились о разграничении полномочий Петрограда и Киева, что для Киева символизировало признание новой украинской власти.

А радикально настроенные политики давили на Раду и на Винниченко, говорили: берите власть в свои руки, будьте твердыми, жесткими, становитесь настоящим правительством. Лозунг независимости, национальная идея вдохновляли в основном городскую интеллигенцию, мелкую буржуазию, студентов, гимназистов – не самый многочисленный социальный слой. Остальные скорее пассивно наблюдали за происходящим.

Владимир Винниченко делил украинцев на «малороссов» (они полностью русифицировались), «хохлов» (знают язык, но не более того) и «сознательных украинцев», которые не пропали для общенационального дела и готовы за него сражаться.

В конце июля 1917 года украинская делегация во главе с Винниченко отправилась в Петроград утверждать состав правительства (генерального секретариата). Секретарь Рады по военным делам Симон Васильевич Петлюра телеграфировал вдогонку из Киева:

«Примите настоячивые меры к тому, чтобы правительство утвердило Секретариат. Каждый день промедления ставит нас в положение совершенно безвыходное и к нам уже обращаются как к правительству, требуют от нас указаний, упрекают в бездеятельности, не хотят считаться с тем, что мы формально не утверждены. Генеральный Секретариат и Украинская Центральная Рада должны в этот грозный час взять власть в свои руки...»

Владимир Винниченко не разделял радикализм Симона Петлюры. Предпочел компромисс с Керенским. В Петрограде договорились так: украинская власть подчиняется Временному правительству и получает под управление пять губерний – Киевскую, Волынскую, Подольскую, Полтавскую и значительную часть Черниговской. А не девять, которые считались этнографически украинскими!

Однако же и Винниченко давал понять, что Украина претендует на большее. Предупреждающе сказал в интервью французским журналистам:

– Неуважительное отношение союзников к требованиям украинского народа вызывает среди украинцев неприязненное настроение. Чем сильнее противятся они нашим требованиям, тем больше определенные украинские круги поворачивают свой взор в сторону Австрии и Германии.

В Киеве росло стремление к полной самостоятельности. Провозгласили курс на украинизацию армии, объединение всех украинских земель, создание народной милиции и созыв собственного Учредительного собрания, которое примет окончательное решение о судьбе страны. Это уже были шаги к созданию самостоятельного государства.

В Петрограде возмутились. 18 октября, за неделю до большевистской революции, Винниченко получил злую телеграмму управляющего делами Временного правительства:

«Прошу Вас безотлагательно выехать в Петроград для личных объяснений по поводу сообщений об агитации на Украине в пользу созыва суверенного Учредительного Собрания».

Министр юстиции Временного правительства Павел Николаевич Малянтович приказал прокурору Киевской судебной палаты «провести строжайшее расследование действий Центральной Рады и Генерального секретариата, не считаясь ни с политическими условиями, ни с чем другим».

Но власть самого Временного правительства рушилась на глазах. Оно уже ничего не успело сделать. Октябрьская революция изменила ход истории.

Харьков против Киева

В центре Киева все еще стоит памятник героям Великой октябрьской социалистической революции, павшим в боях. В реальности повторить успех петроградских большевиков киевским не удалось. Верховной властью осталась Центральная Рада.

Третий универсал (напомним – это акт конституционного значения) декларировал образование Украинской Народной Республики:

«Во имя создания порядка в нашем крае оповещаем: Отныне Украина становится Украинской Народной Республикой. Не отделяясь от республики Российской и сберегая единство ее, мы твердо станем на нашей земле, чтобы силами нашими помочь всей России, чтобы вся республика Российская стала федерацией равных и свободных народов».

Говорили о федерации. В реальности будущая российская республика рисовалась как конфедерация свободных народов, то есть объединение независимых государств. Большинство киевских политиков, конечно же, мечтало о полной самостоятельности.

Самостийники, националисты были не многочисленны, но очень активны. Наиболее радикальные требовали соблюдать заповеди национальной жизни: «Все люди братья, но москали, поляки и евреи – враги нашего народа»; «Украина для украинцев! Гони с Украины чужеземцев-угнетателей!»; «Не бери себе в жены женщин из других народов, потому что твои дети будут тебе врагами; не дружи с врагами нашего народа...»

Население украинских губерний активно участвовало в выборах Учредительного собрания, которое должно было определить государственное устройство России. Украинцы в основном проголосовали за социалистов и националистов.

«Не будет преувеличением сказать, что Центральная Рада располагала широкой поддержкой населения, – отмечает профессор Лев Григорьевич Протасов, автор исследования, посвященного Учредительному собранию. – Цифры красноречивы: на выборах в целом на украинские национальные списки, партийные и беспартийные, пришлось около 60 процентов, в том числе в Киевской губернии – 76,9 процента, на Волыни – 70 процентов».

Депутатами Учредительного собрания, с одной стороны, были избраны Владимир Винниченко и Симон Петлюра, с другой, руководители киевских большевиков братья Георгий и Леонид Пятаковы, а также жена Георгия Пятакова – Евгения Бош, весьма жесткая по характеру дама.

Только что избранные депутаты Учредительного собрания собрались 10 декабря 1917 года в Киеве. Снарядили в Петроград делегацию. Ей рекомендовали выступить за федеративное устройство России. Остальные намеревались передоверить Украинскому Учредительному собранию, выборы в которое назначили на начало января. Но пока делегаты добирались до Петрограда, вспыхнула первая война между Россией и Украиной.

Центральная Рада потребовала от советской власти признать независимость Украины. Большевикам, которые провозгласили лозунг «самоопределение народов», возразить было нечего. Однако и отпускать Украину не хотели. Нашли выход – признали Украинскую Народную Республику. Но не признали полномочия Центральной Рады.

Новому государству потребовались свои вооруженные силы. Киев затеял украинизацию армии. Симон Петлюра требовал «вырвать всех солдат-украинцев из рук русского командования». Солдат-украинцев призвали вернуться на родину, чтобы из них сформировать национальные полки. Украинцам – военнослужащим Петроградского гарнизона – советская власть позволила с оружием в руках уехать в Киев.

Дальше – больше. Центральная Рада потребовала отозвать всех украинских солдат и офицеров, обещая сформировать отдельный Украинский фронт, который продолжит войну против

Германии и Австро-Венгрии. Большевики справедливо возражали против неорганизованного отвода войск и разделения фронта на украинский и российский.

Симон Петлюра приказал украинскому комиссару Северного фронта:

«Никаких распоряжений ни комиссаров, ни большевистских комитетов не выполнять. Все украинцы подчинены Вам. Организуйте украинский командный состав и докажите, что тот, кто поднимает руку на молодую Украинскую народную республику, найдет в воинах-украинцах решительный и твердый отпор. Из Петрограда надвигается на Украину большая угроза. Необходимо, чтобы Вы эту угрозу удержали возле Петрограда».

Центральная Рада пропускала через свою территорию пробиравшиеся на Дон офицерские отряды будущей белой армии и не позволяла большевистским войскам их преследовать. В Петрограде сочли это поводом для разрыва отношений.

3 декабря 1917 года Совет народных комиссаров потребовал от Киева прекратить дезорганизацию фронта, не разоружать части Красной гвардии и помочь в борьбе с контрреволюцией. Если киевское правительство в течение сорока восьми часов не ответит согласием, говорилось в заявлении, Совнарком будет считать Центральную Раду находящейся «в состоянии открытой войны против Советской власти в России и на Украине».

«Почему надвигается столкновение с Радой? – объясняла газета «Правда», центральный орган большевиков. – Рада, обманывая украинский народ, вошла в союз с калединской контрреволюцией и во всей России хочет установить режим буржуазной власти».

5 декабря Симон Петлюра предупредил сограждан:

– На нас готовится поход! Мы ощутили, что нам, украинским демократам, в спину кто-то готовится всадить нож. Большевики концентрируют свое войско для разгрома Украинской республики.

Владимир Ильич Ленин изложил свою политику на Всероссийском съезде военного флота:

– Мы скажем украинцам: вы можете устраивать у себя жизнь, как вы хотите. Но мы протянем руку украинским рабочим и скажем им: вместе с вами мы будем бороться против вашей и нашей буржуазии.

Киев отверг ультиматум Совнаркома. Генеральный секретариат ответил Петрограду:

«Невозможно одновременно признавать право на самоопределение «вплоть» до отделения и грубо покушаться на это право, навязывая свои формы политического устройства государству, которое самоопределилось».

5 декабря Совнарком постановил: «Признать ответ Рады неудовлетворительным, считать Раду в состоянии войны с нами».

Украинские большевики, оставшись в меньшинстве, из Киева, где власть принадлежала Центральной Раде, перебрались в Харьков. Туда же прибыл народный комиссар по военным делам Владимир Александрович Антонов-Овсеенко, тот самый, который взял Смольный и арестовал Временное правительство. Его назначили командующим советскими войсками по борьбе с контрреволюцией на юге страны. Он должен был помешать Украине отделиться.

13 декабря в Харькове созвали другой первый Всеукраинский съезд Советов. Он провозгласил Украинскую Советскую Республику, назвал ее «федеративной частью России» и образовал правительство – Народный секретариат. Многие в ту пору недоумевали: что это за украинское правительство, члены которого не знают украинского языка и знать не хотят?

Эту власть Москва признала и обещала украинским большевикам братскую помощь.

4 января 1918 года большевистский Харьков объявил войну самостийному Киеву.

Ответом стал Четвертый универсал Центральной Рады, принятый в ночь на 12 января:

«Отныне Украинская Народная Республика становится самостоятельной, независимой, вольной, суверенной Державой Украинского Народа. Народная Украинская Держава должна быть очищена от направленных из Петрограда наемных захватчиков».

Одна Украина пошла войной на другую.

Генерал-лейтенант царской армии барон Алексей Павлович Будберг записал в дневнике: «Комиссары объявили войну Украине; быть может, на этом они расквасят свои морды; украинцы в войсках резко выделялись среди остальных товарищей своей разумностью и уравновешенностью и держались особняком, не поддаваясь большевизму».

15 января Симон Петлюра приехал на трамвае в юнкерскую школу.

– Будущее свободной Украины в ваших руках! – говорил он юнкерам. – Если большевики вступят в Киев, они убьют ваших родных и близких, превратят вас в рабов и людей второго сорта. На фронте сейчас нет сил, чтобы остановить красную орду. Я верю, что только молодые львы с криком «Слава Украине!» пойдут на пулеметы, смогут изменить ход всей истории. Я не приказываю, а призываю вас, юнкера, стать добровольцами моей армии! Свобода или смерть! Родина или смерть!

Это была, наверное, лучшая речь Петлюры. Восторженные юноши попросились на фронт. 29 января 1918 года на станции Круты, на дальних подступах к Киеву, произошел первый бой между наступавшими частями Красной армии и защитниками Центральной Рады. Погибших юнкеров украинской военной школы, гимназистов и студентов похоронили в Киеве в Аскольдовой могиле. Бой стал одним из символов борьбы Украины за национальную независимость. Ныне в республике ежегодно отмечают день памяти героев Крут.

Мир в обмен на хлеб

Появление самостоятельной Украины изменило ситуацию в Европе, где еще полыхала мировая война. Конечно же, несказанно обрадовались державы Четверного союза – Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция. Они терпели поражение и откликнулись на предложение советского правительства заключить мир. Выход Украины из состава России окончательно добивал восточный фронт.

Мирные переговоры шли в Брест-Литовске, где располагалась ставка командующего германским восточным фронтом. Туда же решили ехать и киевляне.

Премьер-министр Украинской Народной Республики Всеволод Александрович Голубович, инженер по образованию и эсер по политическим взглядам, 10 января 1918 года огласил ноту Центральной Рады о непризнании советского правительства и о решении принять участие в мирных переговорах самостоятельно. Державы Четверного союза согласились. В Брест отправилась и украинская делегация. Вот тогда-то самостоятельная Украина стала политической реальностью, мало приятной для Советской России.

– Мы признаем украинскую делегацию самостоятельным представительством независимой Украинской Народной Республики, – заявил от имени правительств стран Четверного союза австрийский дипломат граф Оттокар Чернин.

В Киеве очень хотели подписать мирный договор с немцами, австрийцами, болгарам и турками, потому что это было равносильно международному признанию. А в Берлине прикидывали, сколько продовольствия и сырья смогут получить на Украине в обмен на договор.

В Москве пытались этому помешать. А как? Свергнуть правительство в Киеве. За город уже шли бои. И оказалось, что некому защищать Раду.

Отчего Центральная Рада так быстро утратила поддержку в стране?

Историки сравнивают Раду с Временным правительством. Поначалу на Украине социальный протест слился с национальным движением. Но потом миллионные массы отхлынули от Рады с такой же легкостью, с какой в России от Керенского.

Среди жителей Киева в семнадцатом году украинцы составляли всего двадцать процентов. Остальные – русские, поляки и евреи. В восточной части Украины, например, в Харькове, русских было еще больше. Так что в городах сторону Рады держал лишь немногочисленный слой националистов.

Но и сельское население ее не очень поддержало. Катастрофическая нехватка продовольствия толкала город к ограблению деревни. Экономические рычаги уже не действовали. При Раде начались реквизиции продовольствия. Селяне не желали отдавать хлеб, брались за оружие. В результате становой хребет Украинской Народной Республики – крестьянство – выступило против собственной власти.

Центральная Рада потеряла все, не сумев вовремя дать крестьянам то, чего они требовали. А крестьяне прежде всего желали, чтобы закон подтвердил их право на ту землю, которую они уже отобрали у помещиков и других богатых землевладельцев.

Только в последний день января 1918 года Рада, наконец, приняла закон о социализации земли без выкупа – в надежде привлечь симпатии крестьян. Но было поздно, в Киеве уже полыхало восстание. А украинское крестьянство осталось равнодушным. Или, скорее, ожидало прихода большевиков – они уж точно обещали раздать землю.

8 февраля 1918 года австрийские дипломаты в Брест-Литовске предупредили главу российской делегации – наркома по иностранным делам Льва Давидовича Троцкого, что вот-вот подпишут с Украиной мир.

Троцкий телеграфировал Ленину:

«Договор с Радой готов. Подписания его можно ожидать с часу на час. Только точные и проверенные данные, что Киев в руках советской власти, могли бы помешать этому. Подписание договора обеспечит центральным державам возможность постоянного вмешательства в судьбы Украины».

Но большевики не успели.

В ночь на 9 февраля 1918 года представители Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии поставили свои подписи под мирным договором с Украиной.

– Это первый мир, который приходит в этой мировой войне! – такие восторженные слова звучали в тот день в Берлине.

Первой договор ратифицировала Болгария, и царь прислал в Киев посла. Примеру Болгарии последовала Турция. Затем прибыли германский посол барон фон Шварценштайн и австрийский – граф Йозеф Форгач. Германия и ее союзники обрели шанс продолжить войну. Переброска боеспособных частей с восточного фронта на западный позволяла успешно противостоять наступающим войскам Антанты.

Мир с Украиной немцы и австрийцы называли хлебным. Нечаянная радость в тяжелую военную пору! Секретным соглашением правительство Украины обещало поставить Германии и Австро-Венгрии около миллиона тонн зерна и полмиллиона тонн мяса.

А Украина по условиям Брестского мира получила территории, на которые претендовали и поляки, – Холмщину и Подляшье. Австро-Венгерская империя обещала предоставить широкую автономию украинцам в Галиции и Буковине. Но власть самой Центральной Рады висела на волоске. Рада никем не воспринималась как серьезная сила.

Сформированный большевиками народный секретариат Украинской рабоче-крестьянской республики назначил бывшего подполковника Михаила Артемьевича Муравьева начальником штаба по борьбе с контрреволюцией на Юге России. Он руководил взятием Киева. Довольный своими успехами, Муравьев докладывал Ленину:

«Я приказал артиллерии бить по богатым дворцам, по церквям и попам. Я сжег большой дом Грушевского, и он на протяжении трех суток пылал ярким пламенем. Просили перемирия. В ответ я приказал душить их газами. Мы могли остановить гнев мести, однако мы не делали этого, потому что наш лозунг – быть беспощадными!»

Большевики взяли Киев. Но ненадолго. Центральная Рада, оказавшаяся в отчаянном положении, 12 февраля обратилась за помощью к немцам. Берлин ответил согласием. Казалось бы, удачный ход. Однако же тактический выигрыш обернулся стратегическим поражением. Украинская национальная власть сама призвала на Украину чужеземную армию. Этого ей не простили.

«Пришли немцы, – записал в дневнике находившийся в Полтаве выдающийся ученый академик Владимир Иванович Вернадский. – Случилось то, что еще полгода назад не могло предвидеть самое пылкое воображение. С самого утра часов до трех-четырех была перестрелка; снаряды падали на город, и есть убитые и пострадавшие. О том, что немцы и гайдамаки здесь, бабы, возвращавшиеся с базара или туда шедшие, сообщали с радостью.

Обыватель и город приняли пришествие немцев с облегчением и ожидают, очевидно, от них порядка, спокойствия. Немцы производят большое впечатление своей организованностью, высокой дисциплиной. Держат себя корректно, но как господа. Украинцы играют печальную роль марионеток, приведших в свою страну иноземцев-поработителей».

Политик крайне правых убеждений Василий Витальевич Шульгин в знак протеста отказался издавать свою газету «Киевлянин»:

«Мы немцев не звали и не хотим пользоваться благами относительного спокойствия и некоторой политической свободы, которые немцы нам принесли. Мы на это не имеем права... Мы всегда были честными противниками. И своим принципам не изменим. Пришедшим в наш

город немцам мы это говорим открыто и прямо. Мы – ваши враги. Мы можем быть вашими военнопленными, но вашими друзьями мы не будем до тех пор, пока идёт война».

В течение марта и апреля германские войска оккупировали всю Украину. 18 апреля вошли в Крым, 30 апреля взяли Севастополь, 8 мая – Ростов-на-Дону.

Московская газета «Правда» писала о соседях:

«Первое, что бросается в глаза, когда проезжаешь по железной дороге на Украине, – это охрана железнодорожных станций германскими отрядами и полное отсутствие солдат украинской армии».

Германская армия победным маршем двинулась по Украине. 2 марта большевикам пришлось покинуть Киев.

С помощью немцев в Киев вернулась Центральная Рада. Фактически же это было равнозначно оккупации Украины.

«Немцы, – вспоминал очевидец, – начали с того, что снарядили сорок баб, которым было велено горячей водой и мылом вымыть киевский вокзал. Об этом анекдоте много говорили, но тем не менее это чистая правда. Правда и то, что на моей памяти ни до, ни после никто не подумал вымыть наш вокзал».

4 мая 1918 года Антонов-Овсеенко доложил в Совет народных комиссаров, что слагает с себя полномочия верховного главнокомандующего, поскольку советские войска покинули территорию Украины и должны быть разоружены в соответствии с положениями Брестского мира.

Москва не желала злить немцев и давать им повод вторгнуться на территорию России. Немцы занесли это требование в текст договора, подписанного с большевиками:

«Россия обязывается немедленно заключить мир с Украинской Народной Республикой и признать мирный договор между этим государством и державами Четверного союза. Территория Украины незамедлительно очищается от русских войск и русской Красной гвардии».

22 мая в Киев прибыла российская делегация во главе с видным большевиком Христианом Георгиевичем Раковским. Соблюдали дипломатические формальности. Переговоры велись на русском и украинском языках через переводчиков. Все всерьез. 12 июня подписали предварительный мирный договор. Россия признала независимость Украины. Договорились об обмене гражданами – украинцы могли перебираться на Украину, русские – в Россию. В Москве и Петрограде открылись генеральные консульства Украины.

Рада продержалась всего месяц. Она окончательно утратила поддержку, потому что привела в страну чужеземные войска. Но и немцы были недовольны: не получили всего обещанного продовольствия.

«Немцы захватили бесконечно богатую базу для питания, которой не могла и не умела пользоваться Россия! – пометил в дневнике Вернадский. – Немцы получают от Украины жалование. Идут завоевывать, и им же платят!.. В деревнях немцы берут все, платят – но не считаются с потребностями населения. И в среде немцев раздражение: их прислали, а между тем они как бы среди врагов».

Офицеры штаба оккупационных войск презрительно и откровенно именовали Украину опереточным государством, а Раду – бандой социалистов. Наступало время гетмана Скоропадского.

Государственный переворот

В мае 1917 года в Полтавской губернии образовалась Хлеборобско-демократическая партия, объединившая помещиков и зажиточных крестьян. На Украине – в отличие от России – они были влиятельной силой. Долго искали политического лидера. И нашли – уже при немцах.

Всеукраинский съезд хлеборобов открылся в Киеве 29 апреля 1918 года в одиннадцать утра. Все ораторы как один критиковали аграрную политику Рады за социалистические эксперименты. А к трем часам дня приехал тот, кого давно ждали и с кем связывали большие надежды – генерал Павел Петрович Скоропадский. Его встретили аплодисментами и провозгласили на староукраинский манер гетманом.

Гетману было сорок пять лет. Владелец крупных поместий в Черниговской и Полтавской губерниях, Павел Петрович Скоропадский окончил Пажеский корпус и служил в лейб-гвардии конном полку. В первую мировую командовал 1-й гвардейской кавалерийской дивизией, 34-м армейским корпусом. В 1916 году получил погоны генерал-лейтенанта.

В бурную пору Павел Петрович не хотел оставаться в стороне от большой политики. В октябре семнадцатого его избрали почетным атаманом Украинского вольного казачества – это было что-то вроде добровольной военизированной милиции, занимавшейся наведением порядка и борьбой с бандитизмом. Так он обратил на себя внимание...

Съезд хлеборобов постановил: «Для спасения страны нужна сильная власть. Нам необходим диктатор – согласно старинным обычаям – гетман».

Председательствующий объявил:

– Слово предоставляется ясновельможному пану гетману Скоропадскому.

– Господа! Искренне благодарю вас за предложенную власть, – сказал Павел Петрович. – Не для собственной выгоды, а для прекращения анархии принимаю эту власть от вас. На вас и на благородные слои населения я буду опираться. Молю Бога, чтобы он помог мне спасти Украину от крови и гибели, перед которой она стоит.

Власть в Киеве сменилась всего за несколько часов. Делегаты хлеборобского съезда приехали к Софийскому собору. Прямо на площади епископ Никодим помолился за «гетмана Павла». Тем временем небольшой отряд, человек сто, захватил в городе все главнейшие здания: телеграф, государственный банк и военное министерство. Операцию осуществил генерал-майор Владислав Владиславович Дашкевич-Горбацкий, он получит должность начальника генштаба несуществующих вооруженных сил Украинской державы...

Охрана Центральной Рады, как это обыкновенно случается во время государственных переворотов, дезертировала первой. Беспомощные депутаты разошлись. В здании Рады оставался только отряд сечевых стрельцов, прибывших из Галиции, но в восемь вечера командир стрельцов полковник Евгений Коновалец тоже перешел на сторону гетмана.

Полковник – заметная в истории Украины фигура.

Евгений (Евген) Михайлович Коновалец, сын директора сельской школы, в гимназии всерьез увлекался футболом, в 1909 году поступил на юридический факультет Львовского университета. Активно работал в Украинском студенческом совете, отстаивая право преподавания на украинском языке. В 1913 году вступил в Украинскую народно-демократическую партию.

28 июля 1914 года Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Началась мобилизация. Коновалец записался добровольцем в 19-й полк. Его отправили в офицерскую школу. Весной 1915 года кадет Коновалец вместе с маршевым батальоном прибыл на фронт. В одном из первых боев в Карпатах попал в русский плен. Сидел в лагере для военнопленных в Царицыне, пока не грянула революция. Его выпустили, и он отправился в Киев.

В нем проснулся политический темперамент. Он собирался играть в свою игру. В бурлящей киевской жизни почувствовал себя на месте. В январе восемнадцатого принял под коман-

дование Галицко-Буковинский курень сечевых стрельцов, сформированный из западных украинцев, бывших солдат австро-венгерской армии. Звание полковника Коновалец присвоил себе сам. Его имя еще встретится на этих страницах.

Газета «Правда» писала о переменах у соседей:

«Украинский переворот, плодом которого является восстановление самодержавия в Киеве, создает новую политическую обстановку, внутреннюю и международную. Это положение должно быть продумано до конца.

Прежде всего правительство Скоропадского не есть Украинское правительство. Генерал Скоропадский – это майское гадание августовского генерала Корнилова. Это Всероссийский Корнилов, имеющий к своим услугам полмиллиона немецких штыков.

Правительством, в программе которого значилось отделение Украины от России, была Рада. Рада выгнана немецким генералом за дверь. Отброшена и программа «отделения» Украины. Вместе с кадетами и октябристами, на которых политически опирается гетман Скоропадский, вместе с помещиками, банкирами, заводчиками на очередь дня поставлено «воссоединение» Украины с Россией на основе гетманско-помещичье-банкирского самодержавия, «воссоединение» как подачка октябристам и кадетам за их переход на сторону германской ориентации.

Теперь Скоропадский с кадетами и октябристами поведет генерала Эйхгорна на Москву. И в обмен за услугу генерал Эйхгорн поможет генералу Скоропадскому в его войне с рабочими и крестьянами под лозунгом: «всю землю обратно помещикам, все фабрики обратно капиталистам».

С благословения немецких властей Павел Петрович Скоропадский упразднил Украинскую Народную Республику и декларировал образование Украинской Державы.

2 июня 1918 года Германская империя признала независимость Украины. 24 июля рейхстаг ратифицировал мирный договор. Только левые социал-демократы, поклонники русской революции, выразили сомнение в законности признания Украины. Остальные депутаты им отвечали:

– Вашими теориями народ немецкий не накормишь. Благоразумнее ввозить с Украины зерно и корм для скота. Благоразумнее признать независимость Украины.

Последний гетман

О Скоропадском принято говорить пренебрежительно-иронически. Но это несправедливо. Правительство он сформировал из профессионалов без этнических предпочтений. На заседаниях министры говорили исключительно по-русски. Представители украинских националистических партий даже укоряли гетмана: почему среди министров нет настоящих украинцев?

Одни обвиняли гетмана в нехватке украинскости, другие называли его режим авторитарно-бюрократическим. Скоропадский выражал интересы зажиточных крестьян, помещиков, промышленной, финансовой и интеллектуальной элиты. Кто мог, бежал от советской власти. Прежде всего устремлялись в Киев, потому что здесь, благодаря гетману, установилась жизнь, близкая к нормальной.

В Москве на Рождественском бульваре выстроились длинные очереди ходатайствующих о разрешении выехать на Украину. Правда, следовало доказать свое украинское происхождение, что было затруднительно – не каждому в революционной суматохе удавалось собрать нужные документы. Граница советской России и независимой Украины проходила через Оршу. Пассажирская станция – советская территория, товарная – украинская.

«Я не буду описывать ни тех впечатлений, ни того настроения, которое охватило меня при путешествии по Украине, – вспоминал один из бежавших. – Они всякому понятны, кто побывал под режимом большевиков и вырвался из этого сумасшедшего дома. Киев по контрасту с городами Совдепии производил самое благоприятное впечатление. Нормальный уклад жизни, торговля, обилие продовольствия, правовые отношения – все это было целительным бальзамом для измученных физически и нравственно беженцев».

Украина в те месяцы Гражданской войны стала землей обетованной.

«Киев переполнен, – рассказывал бывший офицер Белой армии Роман Гуль. – Особенно много беженцев из Совдепии. Шумящие улицы пестрят шикарными туалетами дам. Элегантные мужчины, военные мундиры. Битком набитые кафе, переполненные театры, музыка, гул, шум... Но в этом чаду ощущается какая-то торопливость, предчувствие неминуемого конца. Как будто веселящиеся люди чувствуют за собой погоню».

По приглашению правительства Скоропадского из Полтавы в Киев переехал Владимир Вернадский в надежде способствовать духовному возрождению республики и созданию академии наук Украины. Академию основали, Вернадского избрали ее первым президентом. При гетмане Скоропадском открылись государственный театр, национальная галерея, национальный музей.

Павел Петрович считал себя крупным государственным деятелем. Ему виделась федерация, которая помимо Украины включала бы Дон, Кубань, Терек, Астрахань, Крым и Бессарабию.

А в Москве развернули пропагандистскую кампанию против гетманской власти. Скоропадского обличали все советские газеты:

«Пала предательская Киевская Рада, так долго прикрывавшая диктатуру имущих классов социалистическим и демократическим маскарадом. Скрытая диктатура буржуазии уступила место диктатуре открытой, оголенной в лице немецкого статиста «ясновельможного гетмана всея Украины Павла Скоропадского».

Съезд Советов принял Декларацию прав всех трудящихся и эксплуатируемого народа.

Гетман провозгласил в противовес ей свою Декларацию прав паразитов и угнетателей.

В советской декларации о власти говорится так:

«Вся власть в центре и на местах принадлежит Советам».

В грамоте гетмана:

«Власть во всем объеме принадлежит гетману Украины».

То есть помещикам и капиталистам.

О земле – в советской декларации:

«Частная собственность на землю отменяется, и весь земельный фонд объявляется общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа на началах уравнительного землепользования».

Декларация за подписью гетмана наоборот утверждает:

«Права частной собственности – как основы культуры».

Советская декларация передает железные дороги и банки в собственность рабочего и крестьянского государства. Победившая немецкими штыками буржуазия диктует гетману следующие строки его «грамоты»: открывается широкий простор частной предприимчивости и инициативе...

Или Советы – или Гетманы.

Третьего в революции не дано».

Скоропадский рассчитывал на поддержку Германии, которой нужна сильная Украина – как противовес и России и Польше. На переговоры в Берлин поехал глава украинского правительства Федор Андреевич Лизогуб, в прошлом известный земский деятель. Договорились о расширении взаимной торговли и о предоставлении Германией кредита.

В сентябре 1918 года и сам Павел Петрович Скоропадский провел в Берлине почти две недели. Ему устроили торжественную встречу. Гетмана приняли кайзер и имперский канцлер. Вильгельм II заверил гетмана, что Германия непоколебимо поддерживает независимость Украины. Скоропадский осмотрел военные заводы Круппа, вышел в море на подводной лодке, объехал флот на миноносце, словом, убедился в непоколебимой военной мощи союзницы.

Гетман мечтал о тесном экономическом сотрудничестве: промышленная база Германии и сельское хозяйство Украины дополняют друг друга. Но украинское государство даже не могло составить бюджет. Печатный станок работал с полной нагрузкой, результатом стала сильнейшая инфляция и невероятный рост цен.

Крестьяне разграбили наиболее продуктивные хозяйства – помещичьи, частновладельческие. Разрушили наиболее эффективный сектор производства – рентабельные хозяйства с высокой агрокультурой. Сельскохозяйственные машины крестьяне даже не поделили между собой, а просто разломали.

Революция на селе не привела к социальному миру и равенству, а связала всех круговой порукой совершенного преступления: одни злились на других, что те успели награть больше. Когда растаскивали помещичьи хозяйства, выигрывали богатые крестьяне: у них были лошади и подводы, чтобы вывозить чужое добро. Остальные несли награбленное в руках...

Раскололось само украинское крестьянство. Настоящие войны запылали на улицах сел и деревень – между богатыми и бедными, старожилами и переселенцами. Производительные возможности деревни резко снизились. Украина не выполняла свои обязательства перед Берлином и Веной.

В последний год Первой мировой войны немцев плохо кормили. Они почти что голодали. Немцев, как и австрийцев, интересовало одно: сколько продовольствия можно вывезти с Украины. Но республика не очень-то подчинялась приказам из Киева.

Несмотря на усилия гетманского посла в Вене Вячеслава Казимировича Липинского, одного из основателей хлебоборобской партии, еще хуже складывались отношения с Австро-Венгрией, которая подписала мир с Украиной только ради хлеба. В Вене угрожали: если Украина не выполнит свои обязательства, Брестский мир будет аннулирован. Конечно, Австрия получила меньше, чем рассчитывала, но без украинского зерна не дотянула бы до нового урожая.

Скоропадский был сторонником столыпинской аграрной реформы, считал, что будущее за небольшими, но высоко продуктивными хозяйствами. Он узаконил частную собственность

на землю, отмененную Центральной Радой. Это возмутило крестьян. Правительство Скоропадского пыталось восстановить законный порядок и вернуть владельцам земли, захваченные крестьянами. В результате при гетмане произошло еще большее отчуждение крестьян от власти. Возникла ностальгия по большевикам, которые призывали делить помещичьи земли – «грабить награбленное».

Немецкие войска привела на Украину еще Рада, выдав им вексель на украинский хлеб. Платить по векселю пришлось Скоропадскому. Когда оккупационные войска стали отбирать хлеб, то Скоропадский и вовсе превратился во врага. Крестьяне возненавидели гетмана, считая, что он служит не Украине, а Германии.

Московская «Правда» сообщала вести с Украины:

«В Харьковской губернии приступлено к реквизиции хлеба у крестьян. Реквизиция производится в Изюмском уезде и в трех волостях Старобельского уезда. Реквизиция производится уполномоченным министерства продовольствия генералом Богатько при помощи германской вооруженной силы.

Во многих пунктах Украины неспокойно. Наблюдаются анархические выступления и агитация против властей. Волнения происходят на почве реквизиции продовольственных припасов.

Много благ обещали социал-патриоты Екатеринослава в начале апреля, когда к городу стали приближаться немецко-гайдамацкие войска. Обманутые рабочие массы в последний момент шарахнулись от советской власти к социал-ликвидаторам, надеясь на Учредительное собрание, Раду и прочих. Но ближайшие же дела раскрыли рабочим сущность Учредилки и обнажили германскую оккупацию, от всяких ширм, и от меньшевистского настроения рабочих не осталось и следа.

Посмотрим, как осуществились все широкие обещания социал-скоропадских. Они обещали, что промышленность, перейдя из корявых рабочих рук в руки опытных капиталистов, воскреснет к новой жизни... Приехали немецкие инструктора. Рабочий день где постепенно, а где сразу доводят до нормальной буржуазно-меньшевистской нормы.

Зреет месть, перед которой побледнеет все, что было до сегодняшнего дня. Все товарищи, приезжающие оттуда, из царства Скоропадского, говорят об одном: нынешние власти готовят бурю...»

Немцы убегают

Восстание против немцев и против гетмана возглавили Владимир Винниченко и Симон Петлюра. Вспыхнула настоящая партизанская война. По подсчетам начальника штаба оккупационных войск генерала Вильгельма Тренера, немецкие войска в этих стычках потеряли тридцать тысяч убитыми и ранеными.

30 июля 1918 года генерал-фельдмаршал Герман фон Эйхгорн, командующий группой армий «Киев», был убит. Это сделала боевая группа, которой руководили левые эсеры Борис Дмитриевич Донской и Ирина Константиновна Каховская. Всех причастных к теракту немецкий военно-полевой суд приговорил к повешенью. Но среди террористов была женщина. Ирине Каховской смертный приговор должен был утвердить сам кайзер. Пока ждали ответа из Берлина, она бежала из Лукьяновской тюрьмы.

Власть последнего гетмана на Украине оказалась недолгой, о чем очень многие потом горько пожалеют.

Николай Прокофьевич Василенко, ставший при гетмане министром иностранных дел, пересказывал свой разговор со Скоропадским. Тот спросил Василенко, верит ли он в самостоятельность Украины. Министр честно ответил, что не верит:

– Граница между Украиной и Россией искусственная и связи между Россией и Украиной такие крепкие, что не могут быть так прерваны.

Гетман сказал:

– Но мы должны действовать, как будто бы Украина самостоятельное государство.

– Я так действую, – согласился Василенко.

Точку в карьере Скоропадского поставили Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Точнее революция, внезапно разразившаяся в Германии. Она же перечеркнула надежды национально мыслящих украинцев обрести собственное государство. Сам Скоропадский позднее вспоминал: когда он в ноябре восемнадцатого получил от украинского посла в Берлине Теодора Рудольфовича Штейнгеля срочное сообщение о революции, то понял: «Это последний день моего гетманства».

Большевики в Москве торжествовали:

«Мы всегда говорили, что во время борьбы за социализм необходима диктатура, неограниченная железная власть пролетариата. Она необходима еще и потому, что против нее выдвигается другая диктатура – военная и монархическая диктатура империалистической буржуазии и помещиков.

И если на Украине трещит власть диктатора, то это потому, что против нее выступила диктатура рабочих и крестьян. Либо черная, либо красная диктатура – середины нет».

Немцам было уже не до Украины. Собственные войска гетман не успел или не смог сформировать. Киев защищали немецкие подразделения и немногочисленные добровольцы. 12 декабря 1918 немцы заявили, что намерены придерживаться нейтралитета. 14 декабря Павел Петрович Скоропадский отрекся от власти:

«Я, гетман всей Украины, на протяжении семи с половиной месяцев прилагал все усилия, чтобы вывести край из того тяжелого положения, в котором он находится. Бог не дал мне сил справиться с этим заданием, и ныне я, руководствуясь исключительно интересами Украины, отказываюсь от власти».

Бывший гетман уехал в Германию. Гетманских офицеров схватили войска Петлюры. Всех ждал расстрел, но их спасли немцы – это был прощальный подарок кайзеровской армии. Когда немцы возвращались на родину, то прихватили с собой всех офицеров, которые пожелали переехать в Германию.

Последний гетман провел в Германии остаток жизни. На склоне лет предлагал свои услуги гитлеровцам. Но не очень был им нужен, поскольку конкуренцию ему составили более молодые и энергичные украинские националисты. Павел Петрович Скоропадский погиб при бомбардировке авиацией союзников в самом конце войны – 26 апреля 1945 года.

После гетмана власть в Киеве взяла сформированная 13 ноября 1918 года Директория из пяти человек. Название предложил Владимир Винниченко, увлекавшийся историей французской революции. Он же стал председателем директории, провозгласившей восстановление Украинской народной республики и обещавшей стремиться к республиканским и социалистическим идеалам.

Как вспоминал один из членов директории, в городе царила «атмосфера безвластия и страха перед большевиками, что со всех сторон все ближе подходили к Киеву». Но когда в январе 1919 года директория объявила войну советской России, Винниченко категорически с этим не согласился, ушел в отставку и уехал из страны.

«Теперь мы не имеем ни доверия, ни порыва, ни веры в себя, – констатировал председатель Директории. – Чиновники пьянствуют, безобразничают, позорят нас. Приходится давать приказы, чтобы их за пьянство ловили, арестовывали и пороли шомполами».

Для украинских националистов Владимир Винниченко – пробольшевистски настроенный политик-неудачник. В Москве его, напротив, считали националистом и контрреволюционером. Всеукраинский съезд Советов объявил его «врагом народа». А Винниченко оставался социалистом. Ему, пожалуй, даже нравилась программа большевиков. За границей он держался подальше от антисоветски настроенных эмигрантов. Надеялся вернуться на родину.

После Гражданской войны большевики разрешили Винниченко вернуться на Украину. Большевики рады были популярному политику и писателю. Его назначили заместителем председателя республиканского Совнаркома. Но работать с новой властью он все равно не смог и опять уехал за границу. На сей раз уже навсегда. В годы второй мировой Винниченко (в отличие от Скоропадского) сотрудничать с нацистами не пожелал, и был отправлен в концлагерь.

Василь Вышиванный

Когда летом 1947 года в оккупированной Вене советские чекисты по приказу из центра арестовали владельца небольшой лакокрасочной фирмы по имени Вильгельм Габсбург и вывезли его в Киев, то для них это было рядовое дело. А ведь чекисты поставили точку в жизни человека, который был внучатым племянником императора Австро-Венгрии. После Первой мировой войны он вполне мог стать властителем независимой Украинской державы. Звали бы его тогда гетман Василь Вышиванный.

Раскол между восточной и западной частями Украины остро ощущается и сегодня. Сказывается историческое наследие. А сто лет назад вообще казалось, что между западными и восточными украинцами непреодолимая пропасть. Украинцы долго оставались разделенным народом. Одни были подданными Российской империи, другие находились по ту сторону государственной границы.

Галиция до первой мировой принадлежала Австро-Венгерской империи. Под властью австрийской короны проживало примерно четыре миллиона человек, которых украинские авторы именуют украинцами, а российские – русскими малороссийской ветви (см. «Вопросы истории», № 9/2005).

Когда началась первая мировая, украинский вопрос приобрел особую остроту. Обе коалиции желали привлечь украинцев на свою сторону. Это было сражение за умы и сердца миллионов людей. Украинцы хотели в обмен на лояльность получить свое государство.

Австро-Венгрия начала разваливаться еще до войны. Поляки, чехи, сербы – все населявшие многонациональную империю народы желали иметь собственное государство. Престарелый император Франц-Иосиф I постепенно уступал, сохраняя только фасад империи. И вел себя достаточно мягко с национальными меньшинствами.

Львов был официальным центром Галиции, здесь находился галицийский краевой сейм, здесь выходили газеты не только на польском, но и на украинском языке. Вот почему в среде национально мыслящей интеллигенции зародилась идея: Галиции суждено сыграть роль украинского Пьемонта – итальянской провинции, которая некогда объединила итальянцев в единое государство.

28 июня 1914 года в эрцгерцога Франца Фердинанда, племянника императора Австро-Венгрии и наследника престола, в Сараево стрелял восемнадцатилетний боснийский серб по имени Таврило Принцип.

Франц Фердинанд, женатый на чешке, был расположен к славянам, считал необходимым предоставить больше прав всем народам, населяющим Австро-Венгрию, и покончить с униженностью славян. Наследник престола проявлял интерес и к национальным устремлениям украинского народа. Говорили, что он готов создать украинское королевство внутри Австро-Венгрии. Одна из выходивших во Львове газет назвала его смерть «катастрофой» для украинцев.

Убивать Франца Фердинанда было не только преступно, но и глупо. Даже тайная организация сербских офицеров «Черная рука», мечтавшая о создании Великой Сербии, и та высказалась против покушения на эрцгерцога. Но на Балканах эмоции часто берут верх над разумом...

– Мы были обречены на смерть, – меланхолически заметил министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Оттокар Чернин, – но мы могли выбрать, как мы хотим умереть. Мы выбрали самый ужасный путь.

Когда вспыхнула первая мировая, 19 августа 1914 года, приказом верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича на территории Галиции, занятой российскими войсками, было образовано генерал-губернаторство. Временным военным генерал-губернатором Галиции стал генерал-лейтенант граф Георгий Александрович Бобринский.

А в Австро-Венгрии в том же августе украинские политики образовали Союз освобождения Украины – в надежде создать украинское государство под эгидой Вены. Самый известный деятель союза – Александр Филаретович Скоропись-Иолтуховский, бывший социал-демократ, который бежал из сибирской ссылки и обосновался в австрийской столице.

Русская армия вступила в Галицию, и появился манифест верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича с призывом включить эти земли в состав Российской империи:

«Достояние Владимира святого, земля Ярослава Осмомысла и князей Даниила и Романа, сбросив иго, да водрузит стяг единой, неразделимой и великой России. Да свершится дело великих собирателей земли Русской. Да поможет Господь завершить дело Великого князя Ивана Калиты».

Николай Николаевич обещал объединить все польские земли под «скипетром русского царя» и предоставить им самоуправление. Но это исходило от него лично, а не от императора. В Петрограде председатель Совета министров Иван Логинович Горемыкин пренебрежительно заметил коллегам по правительству:

– Великий князь может говорить, что хочет.

В любом случае манифест не вдохновил местное население, потому что Российская империя отвергала идею самостоятельной украинской нации.

В июне 1863 года председатель Киевского цензурного комитета Новицкий обратился к министру внутренних дел России Петру Александровичу Валуеву. Цензор возражал против издания Евангелия на украинском языке: зачем школьникам-украинцам читать Евангелие по-украински? И просил министра поддержать его мнение: «Образование по всей России производится на общерусском языке и употребление в училищах малороссийского наречия нигде не допущено».

Министр должен был выяснить позицию императора. Доложил Александру II: «Никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может». Министр предложил выпускать на украинском только художественную литературу, но не учебную, научную, религиозную. Император согласился.

А в мае 1876 года, находясь на курорте в Змее, Александр II подписал указ, фактически запрещавший украинскую литературу и театр:

«Не допускать ввоза в пределы Империи каких бы то ни было книг и брошюр, издаваемых на малороссийском наречии. Печатание и издание в Империи оригинальных произведений и переводов на том же наречии воспретить. Воспретить также различные сценические представления и чтения на малороссийском наречии, а равно печатание на таковом же текстов к музыкальным нотам. Не допускать к исполнению никакие пьесы и чтения на малороссийском наречии».

В Петербурге исходили из того, что галичане – русские. Посол в Вене Николай Николаевич Гире напомнил 8 февраля 1912 года министру иностранных дел Сергею Дмитриевичу Сазонову: «Восточная Галиция в официальных бумагах называлась Rot Russland (Червонная Русь), а население – russisch. Ныне австрийское правительство отрицает существование русского племени в Галиции». Пришли к выводу, что в Австро-Венгрии используют понятие «украинцы» только с одной целью: оторвать русинов от России (см. «Вопросы истории», № 9/2009).

А на Украине национально мыслящую интеллигенцию обижало непризнание украинцев самостоятельным народом. В Галиции была еще одна причина для противостояния России. Галичане принадлежали к униатской, то есть греко-католической церкви. Царское правительство униатской церкви не признавало. Желало изгнать католичество и унию, вернуть галичан в православную веру.

Глава униатской церкви Андрей Шептицкий обратился к пастве с призывом защитить Австро-Венгрию и сражаться против царской России:

«Идет война между нашим императором и царем Москвы. Войну ведут за нас, ибо московский царь не мог стерпеть того, что в австрийском государстве у нас есть свобода веры и народности; он хочет вырвать эту свободу, заковав в цепи.

В огне этой страшной войны куется для нас лучшая доля. Мы Божьей волей связаны с австрийской державой и династией Габсбургов; счастье и несчастье у нас общее; когда войско нашего императора победит, а по Божьей милости оно победит, нас ожидает более светлая и лучшая будущность. Будьте же до последней капли крови верны императору».

Сын графа Яна Шептицкого, он в 1888 году покинул австрийскую военную службу, перешел в униатскую церковь и принял монашество с именем Андрей. С 1900 года – митрополит Галицийской церковной провинции, архиепископ Львовский и Каменец-Подольский.

Департамент полиции докладывал:

«Шептицкий проникнут самой грубой ненавистью и злобой по отношению к Православию и России. И все, что только напоминает эти два термина, вызывает в нем самую отчаянную борьбу».

Русская армия наступала, и министр внутренних дел поручил начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу от инфантерии Николаю Николаевичу Янушкевичу найти и арестовать униатского митрополита Шептицкого, а также наложить секвестр на его библиотеку и все бумаги (см. «Исторический архив», № 2/2002). Генерал Янушкевич доложил, что «неукоснительно исполнит это поручение – живым или мертвым доставит Шептицкого, а в случае надобности прикажет его прикончить».

Узнав об этом, министр иностранных дел России Сергей Дмитриевич Сазонов 3 сентября 1914 года обратился к императору с просьбой отказаться от идеи «насильственного устранения» митрополита Шептицкого: «Как ввиду его сана, так и общей известности, которой он пользуется; это могло бы лишь придать ему ореол мученичества и подорвать уважение к русской государственной власти».

Но было поздно. В начале сентября 1914 года Австро-Венгрия проиграла сражение под Львовом, ее войска откатились до Карпатского хребта. Когда российская армия заняла Львов, Шептицкого задержали.

Командующий VIII армией Юго-Западного фронта сообщил в ставку:

«Я Шептицкого вызвал к себе и предложил дать слово чести, что он никаких враждебных действий как явных, так и тайных, против нас предпринимать не будет; на таких условиях я разрешил ему остаться во Львове для исполнения духовных обязанностей. Он охотно дал мне слово, но, к сожалению, вслед за этим начал снова баламутить и провозглашать церковные проповеди нам враждебные. Тогда я выслал его в распоряжение главнокомандующего».

Князь Николай Александрович Кудашев, директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего, 8 сентября 1914 года доложил министру иностранных дел Сазонову: «Шептицкий уже арестован и выслан из Галиции в Россию».

В подвале его дома во Львове в тайнике обнаружили переписку митрополита с Веней. Шептицкий надеялся на победу австрийской армии и предлагал императору Францу-Иосифу создать украинское государство.

Митрополита Андрея отправили в Киев, потом перевели в Ярославль. После революции, 8 марта 1917 года, Временное правительство по ходатайству министра юстиции Александра Керенского освободило Шептицкого. 19 сентября он вернулся во Львов еще менее расположенным к России, чем до войны.

Царское правительство не признавало униатской церкви. Февральская революция все изменила. 20 марта 1917 года Временное правительство отменило «вероисповедные и нацио-

нальные ограничения», 14 июля приняло акт «О свободе совести». Отныне граждане России не делились по этническому происхождению и принадлежности к той или иной церкви.

Временное правительство проделало немалую работу, внося изменения в Законы о состоянии, Положение об инородцах, Положения о наказаниях, Устав гражданского судопроизводства, Устав о воинской повинности, Уставы иностранных исповеданий. Униатская церковь больше не воспринималась как антигосударственная.

В конце мая 1917 года собрался первый собор греко-католической церкви, на котором учредили экзархат греко-католической церкви. Важное событие для униатов – в тот исторический момент, когда западные украинцы попытались образовать свое государство и отстоять независимость.

Первая мировая война нанесла Австро-Венгерской империи последний удар. В ноябре 1916 года император Франц-Иосиф I, символ империи, умер. Незадолго до смерти, 4 ноября, он подписал рескрипт о самоуправлении Галиции. Слишком поздно и слишком мало, чтобы остановить развал Австро-Венгрии! 15 сентября 1918 года армия империи просто развалилась.

Смирившийся с происходящими вокруг революционными переменами новый император Карл I Габсбург, человек не сильной воли, объявил, что отказывается от участия в государственных делах. Последним указом он превратил империю в союз государств и предоставил всем народам автономию. Но оставаться в составе единого государства никто не пожелал. 17 октября независимость от Австрии провозгласила Венгрия. Вслед за венграми империю покинули и другие народы. Последний император Карл тихо исчез. Он умер на острове Мадейра в 1922 году от гриппа.

Небольшая по размеру Австрия больше ни для кого не представляла угрозы. В 1919 году она была похожа на сироту. От империи остались дворцы и множество чиновников, которых нечем было занять. Один народ за другим объявлял о своей независимости. Чехословакию создал Томаш Масарик, Польшу – Юзеф Пилсудский. Ярких лидеров такого масштаба на Украине не оказалось.

18 октября 1918 года во Львове украинцы – депутаты австро-венгерского парламента и местных собраний, представители культурных и общественных организаций торжественно сформировали Национальную Раду и заявили о переходе власти к украинскому народу. На следующий день Рада объявила, что объединяет Галицию, Северную Буковину и Закарпатье в единое государство.

1 ноября провозгласили создание Западно-Украинской Народной Республики и сформировали державный секретариат (правительство). Главой Западно-Украинской Народной Республики стал Евгений Емельянович Петрушевич, адвокат по профессии.

Приступили к формированию Украинской галицкой армии. Главнокомандующим назначили генерал-майора царской армии Александра Петровича Грекова. Он окончил Николаевскую академию генерального штаба, во время Первой мировой войны служил начальником штаба армейского корпуса на Юго-Западном фронте.

На территории Западно-Украинской республики жило примерно шесть миллионов человек. Слишком мало, чтобы защитить свою независимость. Но у кого искать помощи и защиты?

Еще во время мировой войны некоторые видные фигуры во Львове предлагали императору Францу-Иосифу создать украинское государство под властью его внучатого племянника – молодого эрцгерцога Вильгельма Габсбурга, третьего сына эрцгерцога Карла Штефана. Его отец претендовал на польскую корону и был полонофилом. Когда сын увлекся украинской идеей, отец от него отсекся.

«Пора была горячая, – вспоминал сам эрцгерцог Вильгельм, – и каждый, кто имел на то хотя бы малейшее основание, объявлял себя представителем любой династии и стремился к любому возможному престолу. Я же никакой борьбы за престол вести не собирался».

Вильгельм Габсбург лукавил.

Молодой эрцгерцог был весьма колоритной фигурой. В первую мировую командовал украинским легионом в составе австрийской армии. В 1917 году обещал, что после войны реорганизуем Восточную Галицию и Буковину в единую провинцию внутри Австрии. В 1918 году стал полковником сечевых стрельцов. Теперь уже именовал себя на украинский манер – Василь Вышиваний. Принял униатство.

Когда на Украину вошли немецкие войска, то в штабе оккупационных войск рассматривали кандидатуру Вышиванного на роль хозяина края. Но он считался австрийским ставленником. Предпочли гетмана Скоропадского.

Галичане традиционно ориентировались на Вену. Киевские украинцы – на Берлин. Австрийцы хотели удержать украинские этнографические земли в рамках своей империи. Но не осмелились поддержать эрцгерцога Вильгельма, дабы не ссориться с немцами.

«Если бы принц моего дома принял титул гетмана с моего согласия, – объяснил император Карл эрцгерцогу Вильгельму, – это вызвало бы большие трудности в наших взаимоотношениях с Германией. Хотя мне и желательно, чтобы ты дружественно относился к украинским элементам и завоевывал симпатии украинцев, все же пока не следует предпринимать каких-либо решительных шагов».

Когда австро-венгерская армия развалилась, подчиненный Василю Вышиванному украинский легион сечевых стрельцов присоединился к армии Западно-Украинской республики. Эрцгерцог поклялся быть «верным гражданином новой республики».

«Прозвище «Вышиваний», – рассказывал эрцгерцог, – мне дали в 1918 году за то, что я носил вышитую украинскую рубашу. Я служил в 13-м уланском полку, состоявшем в основном из украинцев. С украинцами сжился, перенял их традиции и в то время был таким же «патриотом-украинцем», как и все украинцы. К румынам я не хотел. У Деникина мне было нечего делать. Поляков я ненавидел. Выход был один – только к Петлюре и Петрушевичу».

Современные украинские исследователи уверены, что Вильгельм Габсбург был искренним борцом за национальную идею. Ему понравилась неповторимая краса Карпат, мелодии гуцульских песен и поэтика украинского языка. Но в ту пору украинофильство Василя-Вильгельма мало кто принимал за чистую монету. Его хотели использовать против гетмана Скоропадского.

«Скоропадский был моим политическим противником, – вспоминал эрцгерцог. – В 1918 году он требовал от немцев моего удаления из пределов Украины. Генерал Болбочан и полковник Петрив в беседах со мной высказывали недовольство проводимой Скоропадским политикой и предлагали мне объединить войска для организации переворота, чтобы в дальнейшем возглавить Украину...»

Бывший штабс-капитан царской армии Петр Федорович Болбочан сам пытался стать диктатором Украины. Зазывал к себе всех бывших офицеров. Но Симон Петлюра его переиграл. Объявил Болбочана вне закона и в июне 1919 года расстрелял.

Полковник царской армии Всеволод Михайлович Петрив стал военным министром Украинской народной республики. В эмиграции – одним из руководителей Организации украинских националистов*. Когда летом сорок первого, после отступления Красной армии, во Львове ОУН* попытается создать свое правительство, Петрива назначат военным министром...

Любопытна дальнейшая судьба Василя Вышиванного. После Гражданской войны он через Польшу перебрался в Германию. Обосновался в Мюнхене. Собирал вокруг себя сторонников создания независимой Украины, которые съезжались в Баварию и проходили боевую подготовку. Это продолжалось до тех пор, пока полиция не задержала нескольких боевиков, признавших, что принадлежат к секретной военной организации, которая борется за независимую Украину. Боевой подготовкой руководили немецкие офицеры. Занимался этим капитан

Эрнст Рём, будущий соратник Гитлера и начальник штаба штурмовых отрядов. Василя Вышиванного выслали из Германии.

Он жил во Франции. В 1935 году в Париже его заочно приговорили к пяти годам тюрьмы за подделку банковского чека. Не дожидаясь вынесения приговора, уехал в Вену. Здесь он основал лакокрасочную фирму. Никак не предполагал, что после падения третьего рейха им заинтересуются советские чекисты.

23 июня 1947 года сотрудники управления контрразведки Центральной группы советских войск, расквартированные на территории оккупированной Австрии, арестовали в Вене бывшего полковника Украинской галицкой армии Вильгельма Габсбурга? За что? В чем его обвиняли?

«В 1918 году, являясь командиром группы австро-венгерских войск, в состав которой входил украинский легион «сечевых стрельцов», принимал активное участие в оккупации немцами Украины. Впоследствии примкнул к Петлюре. Проживал за границей, поддерживал связи с руководителями украинского националистического подполья – Коновальцем и Скоропадским. Сотрудничал с французской разведкой. Организовал встречи и переговоры между представителями французской разведки и ОУН* Бандеры. Занимался активной шпионской деятельностью против советских войск в Австрии. Вербовал для этой цели агентуру».

Во время второй мировой войны бывший эрцгерцог действительно помогал французам, которые вели подпольную работу против нацистского режима. Но к моменту его ареста уже шла холодная война, и французы воспринимались вовсе не как союзники по антигитлеровской коалиции, а как враги. Так что в глазах советских чекистов это было преступное сотрудничество с западной разведкой.

В Киев, где Василь Вышиванный когда-то мечтал быть человеком номер один, его доставили под конвоем. 20 мая 1948 года министр госбезопасности УССР генерал-лейтенант Сергей Романович Савченко утвердил обвинительное заключение. 21 июля особое совещание при МГБ СССР приговорило Василя Вышиванного к двадцати пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Просидел он меньше месяца. 18 августа скончался в тюрьме № 1 управления внутренних дел Киевской области. Причина смерти: двусторонний туберкулез легких.

Европа умывает руки

Западные украинцы отправили свою делегацию в Париж, где 18 января 1919 года, после разгрома кайзеровской Германии и ее союзников, открылась мирная конференция.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.